

РОБИН ХОББ

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ

СТРАНСТВИЯ ШУТА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 68

Robin Hobb
FOOL'S QUEST
Copyright © Robin Hobb 2015
All rights reserved

Перевод с английского Нат Аллунан
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-11397-8

© Н. Аллунан, перевод, 2019
© А. А. Кузнецова, перевод стихов, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Редъярду — по-прежнему самому дорогому
спустя столько лет*

Ледяные поля

Ледяные берега

Белое море

о. Ладья

Рыбная бухта

Ледяные берега

ТИЛТ

р. Винная

Горное Королевство

Джампи

ФАРРОУ

Голубое озеро

Песчаные пределы

Дождевые чашобы

р. Дрогоценная

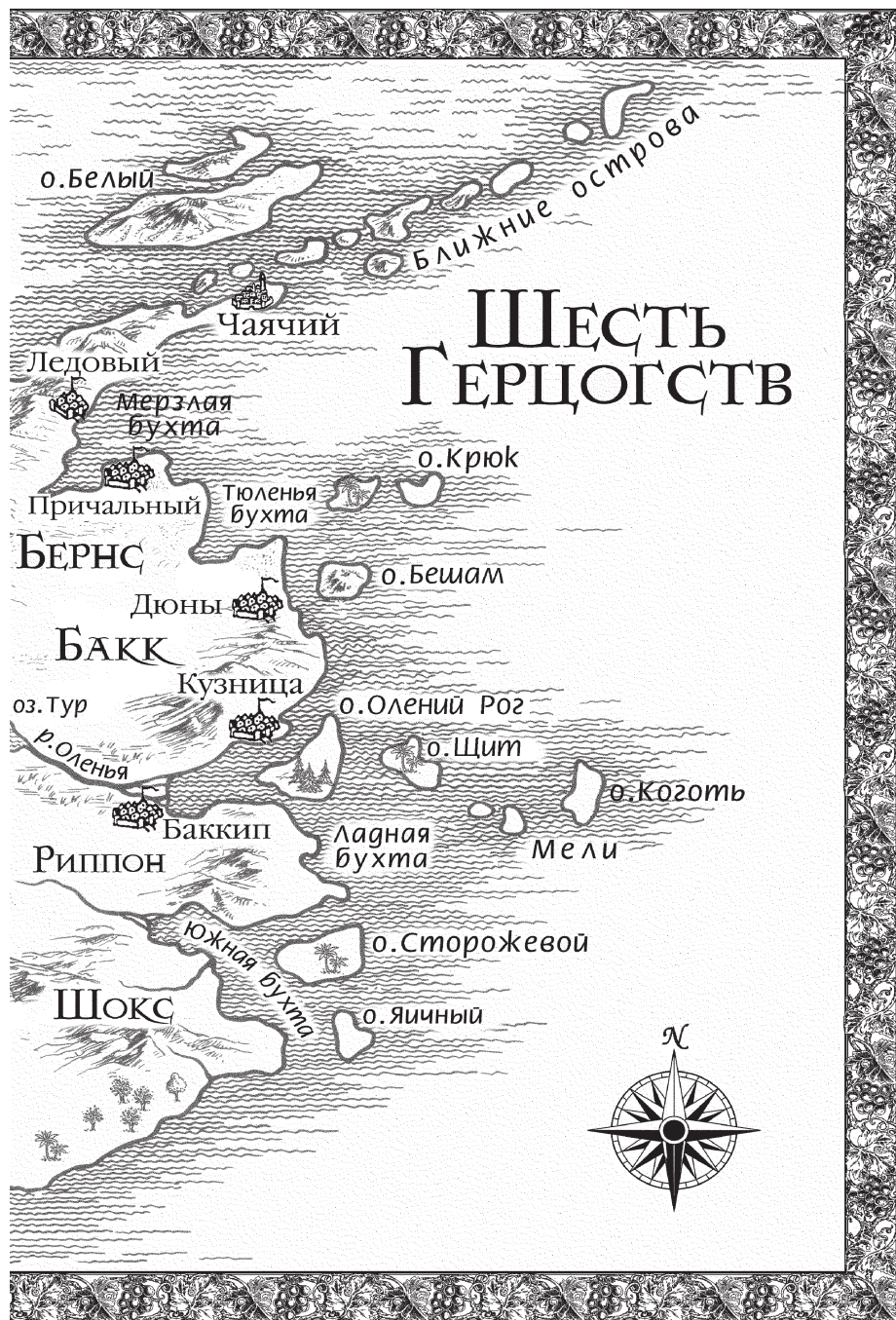
КАЛСИДА

Удачный

Залив Торговцев

ложная бухта

ШЕСТЬ ГЕРЦОГСТВ

Глава 1

КАНУН ЗИМНЕГО ПРАЗДНИКА В ОЛЕНЬЕМ ЗАМКЕ

Я в теплом и безопасном логове, с двумя другими волчатами. Оба они бодрее и сильнее меня. Я появился на свет последним, самый маленький щенок в помете. Глаза мои открылись позже, и к приключениям я склонен меньше, чем брат и сестра. Они уже не раз увязывались за нашей матерью к выходу из логова, скрытому под нависающим речным берегом. Рычанием и шлепками она всегда заставляла их отступить. На охоту она ходит одна, оставляя нас в логове. Обычно волчице-матери помогает один из молодых самцов. Но наша мать — последняя из стаи, поэтому охотится в одиночку, а мы должны оставаться в логове.

И вот наступает день, когда она встает, стряхнув нас, хотя мы еще не насытились ее молоком. Она уходит на охоту, едва на вечернем небе появляются первые звезды. Вскоре до нас доносится ее короткое поскуливание. И больше ничего.

Моего брата, самого крупного в помете, переполняют одновременно страх и любопытство. Брат громко плачет — зовет мать-волчицу. Она не отвечает. Тогда он осторожно подбирается к выходу, сестра крадется за ним. Но мгновение спустя они в страхе бросаются обратно и сжимаются в комочек рядом со мной. Снаружи, от устья нашей норы, доносятся запахи, и эти запахи нам не нравятся. Пахнет кровью и неизвестными нам существами. Мы жмемся, поскуливая, а запах крови становится сильнее. Все, что мы можем, — забиться в самую глубину норы. Это мы и делаем.

Мы слышим шум. Кто-то раскапывает вход в логово и делает это не лапами. Словно огромный зуб вгрызается в землю: вонзается в нее, как в плоть, и тянет, вонзается и тянет. Мы еще сильнее забиваемся в угол, шерсть на загривке брата становится дыбом. Звук говорит нам, что чужак снаружи не один. Запах крови сгущается и смешивается с запахом матери. Шум от раскопок не утихает.

Потом до нас долетает новый запах. Спустя годы я стану его узнавать, но во сне еще не знаю, что это дым. Это просто неиз-

вестный и непонятный нам запах, который толчками врывается в логово. Мы громко воем — дым жжет нам глаза и легкие. В логове становится очень жарко и нечем дышать. Наконец мой брат, крадучись, выбирается из норы. Мы слышим его отчаянный вой, он длится и длится, а потом доносится резкий запах мочи. Сестра съезживается возле меня, стараясь стать совсем маленькой, и замирает. Вскоре она перестает прятаться и дышать. Она мертва.

Я прижимаюсь к земле, накрыв лапами нос. Дым слепит глаза. Звуки рытья продолжают, и вдруг кто-то хватает меня. Я визжу и пытаюсь вырваться, но чужак выволакивает меня из логова за переднюю лапу.

Окровавленная туша и шкура матери-волчицы валяются чуть в стороне от норы. Брат испуганно жметя в клетке, поставленной в задней части двухколесной повозки. Меня швыряют к нему и вытаскивают на свет тело сестры. Чужаки злятся, что она умерла, и пинают ее ногами, как будто их злость может заставить почувствовать боль. Ворча, что уже холодно и скоро стемнеет, они свежуют ее и бросают маленькую шкурку моей сестры к шкуре матери. Потом двое людей садятся в повозку и подхлестывают мула, рассуждая, сколько смогут выручить за волчат на рынке, где торгуют бойцовыми псами. Шкуры матери и сестры лежат рядом и пахнут смертью.

Это было только началом бесконечных мучений. Кормили нас не каждый день. Никто не заботился укрыть нас от дождя. Мы жались друг к другу в поисках тепла, это был единственный способ хоть немного согреться. Потом брат, отощавший из-за глистов, умер в яме, куда его бросили, чтобы раззадорить бойцовых собак. И вот я один. Меня кормят требухой и обедками или не кормят вовсе. Подушечки лап покрываются язвами от хождения по клетке, когти ломаются, мышцы ноют от тесноты. Люди бьют меня и тычут палкой, дразня, чтобы я бросался на прутья клетки, которые мне не по зубам. Они обсуждают, что хорошо бы продать меня для собачьих боев. Я слышу слова, но не понимаю их.

На самом деле я понимал. Резкий спазм вырвал меня из сна, и в первое мгновение все вокруг показалось чужим и неправильным. Я лежал, свернувшись клубком, и весь дрожал. От шерсти ничего не осталось, только голая кожа. Лапы сгибались неправильно, что-то мешало мне ими пошевелить. Все чувства приглушены, словно меня засунули в мешок. Все вокруг пропитано запахами ненавистных существ. Я оскалился, зарычал и стал вырываться из пут.

Даже когда я упал на пол, уронив с кровати одеяло, и тело напомнило мне, что я и есть одно из этих самых ненавистных мне человеческих существ, я все еще ничего не понимал. Я в недоумении огляделся по сторонам. Похоже, было утро, но пол, на котором я очутился, ничуть не походил на гладкие половицы моей спальни. Эта комната вообще не пахла моим жилищем. Я медленно встал, дожидаясь, пока глаза приспособятся к темноте. Напрягая зрение, я смог разглядеть множество маленьких красных глаз и только потом понял, что вижу тлеющие угли. В очаге.

Когда я ошупью пересек комнату, все встало на свои места. Стоило мне разворошить угли и подбросить немного хвороста, как из темноты проступило старое жилище Чейда в Оленьем замке. Так и не опомнившись до конца, я отыскал новые свечи и зажег их. Трепещущий свет омыл стены, комната будто очнулась ото сна. Я огляделся по сторонам, дожидаясь, пока проснется и память. Видимо, решил я, ночь уже миновала и за толстыми стенами без окон разгорелся день. Вдруг на меня волной обрушились воспоминания о страшных событиях накануне. Как я чуть не убил Шута и бросил свою дочь на попечение людей, которым не вполне доверяю; как потом позаимствовал слишком много Силы у Риддла и едва не прикончил и его тоже, пока доставлял Шута в Олений замок. Эта волна воспоминаний столкнулась с другой, более старой и могучей, — обо всех тех вечерах и ночах, которые я провел в этой комнате, изучая науки, необходимые, чтобы стать убийцей на службе короля. Когда хворост в камине наконец разгорелся, мне показалось, что я проделал долгий путь, чтобы вернуться к себе. Страшный сон волка о том, как его пленили, поблек в памяти. Ночной Волк, мой друг, мой брат, давно покинул этот мир. Эхо его продолжало жить в моей памяти, в моем сердце, в моем разуме, но он не прикроет мне спину в предстоящей драке. Я остался один.

Нет, не один — у меня есть Шут. Мой друг вернулся. Больной, израненный и, возможно, отчасти потерявший рассудок, но он снова рядом. Подняв свечу повыше, я подошел к кровати.

Шут по-прежнему крепко спал. Выглядел он ужасно. Следы пыток запечатлелись на его иссеченном шрамами лице. От перенесенных лишений и голода кожа покрылась струпьями, волосы сделались сухими и жидкими, как мятая солома. И все же он выглядел намного лучше, чем когда мы встретились по-

сле долгой разлуки. Он согрелся, вымылся и насытился. Даже по его дыханию я чувствовал, что сил у него прибавилось. Хотел бы я сказать, что это была моя заслуга, но нет. Не ведая, что творю, я похитил здоровье у Риддла и передал его своему другу, когда мы совершали переход через камни Силы. Это было нечестно по отношению к Риддлу, пусть я ограбил его и не нарочно, однако звук ровного дыхания Шута бальзамом лился на мою душу. Ночью у него хватило сил, чтобы поговорить со мной, вымыться и поесть. Он даже мог немного ходить. Это было гораздо больше, чем я ожидал от нищего калеки, каким встретил его.

Но нельзя обрести настоящее здоровье, позаимствовав его у другого. Мне пришлось спешно прибегнуть к исцелению Силой, и это истощило скудные запасы сил самого Шута. А на похищенном у Риддла Шут долго не продержится. Оставалось надеяться, что теперь, отдохнув и поев, он начнет понемногу восстанавливаться. Глядя, как он спит, я отважился подумать, что Шут все же выживет. Мягко ступая, я подобрал с пола покрывала, которые стащил в своем полусонном рывке, и старательно укутал его.

Он так изменился... Когда-то Шут почитал красоту в любом проявлении. С каким тщанием и вкусом выбирал он наряды, обстановку для своих комнат, занавески на окна и балдахин на кровать — даже шнурок, которым подвязывал безупречно ухоженные волосы. Но того человека больше не было. Шут вернулся пугалом в лохмотьях. Его лицо так исхудало, что сквозь кожу проступили кости. Измученный, ослепший, покрытый шрамами, Шут так изменился от перенесенных ужасов и страданий, что я едва узнавал его. Гибкий и ловкий паяц исчез без следа. Перестал существовать и элегантный лорд Голден с его утонченными манерами. Полумертвая развалина — вот все, что осталось от моего друга.

Веки его слепых глаз были опущены. Рот чуть приоткрыт. Он сопел во сне.

— Шут! — Я осторожно потряс его за плечо.

Он не шелохнулся, только дыхание чуть сбилось с ритма. Потом Шут глубоко вздохнул, словно отмахнулся от боли и страха, и снова задышал ровно, вернувшись в глубокий сон.

Он сбежал из плена, где его пытали, и долго шел ко мне, преодолевая боль и лишения. Он был тяжело болен и боялся, что

его преследуют убийцы. Как ему вообще удалось проделать столь долгий путь в таком состоянии — слепым, с переломанными костями? Но он пришел ко мне — ради единственной цели. Ночью, прежде чем забыться наконец глубоким сном, он попросил меня снова стать убийцей — ради него. Он хотел, чтобы я отправился с ним в Клеррес, в школу, где он когда-то учился и откуда теперь сбежал. Чтобы я пошел с ним и расправился с теми, кто пытал его. Шут просил меня как о великом одолжении вспомнить науку убийства и уничтожить их всех.

Мне казалось, эта часть моей жизни навсегда осталась в прошлом. Я сделался другим человеком — уважаемым помещиком, распорядителем в имении старшей дочери, отцом маленькой девочки. Я больше не профессиональный убийца. Все это позади. Вот уже много лет, как я перестал быть поджарым и стремительным убийцей с железными мускулами и каменным сердцем. Не только Шут, но и я очень изменился.

Я по-прежнему ясно помнил насмешливую улыбку Шута и его быстрые озорные взгляды, от которых разом и таяло сердце, и вскипало раздражение. Теперь его трудно было узнать, однако я верил, что знаю о нем самое главное, пусть и не знаю самого простого — например, где он родился и кто были его родители. Мы знакомы с ранних лет. Я невесело усмехнулся при этой мысли: с ранних лет, не с детства. Д детства ни у меня, ни у него, считай, не было. И все же мы много лет остаемся близкими друзьями, а это что-нибудь да значит. Мне довелось убедиться, что Шут не предает друзей и готов ради них на многие жертвы. Я видел его в минуты глубочайшего отчаяния, видел парализованного ужасом. Сломленного телесными страданиями и пьяного до слез. Больше того, я видел его мертвым, я даже был им, когда он был мертв, я заставил его тело вернуться к жизни и призвал его дух вернуться в тело.

В общем, я знал его. Как облупленного.

Или думал, что знаю.

Я глубоко вздохнул, но на сердце по-прежнему лежал камень. Зачем я обманываю себя, словно ребенок, который боится взглянуть во мрак, ужасаясь того, что там может скрываться? Пора посмотреть правде в глаза. Я знал Шута как облупленного. И знал, что он пойдет на все, чтобы повернуть судьбу мира в наилучшую сторону. Из-за него я когда-то чуть не погиб, он предвидел, что мне придется вытерпеть боль, лишения и утра-

ты. Он и сам сдался на пытки и мучительную, неизбежную, как он верил, смерть. И все ради того, чтобы видение будущего, явленное ему, стало реальностью.

Поэтому, если бы Шут решил, что ради великой цели надо кого-то убить, и если бы ему самому это было не по силам, он пришел бы с просьбой ко мне. И присовокупил бы к ней слова, бьющие прямо в сердце: «Ради меня».

Я отвернулся от него. Да. Он бы попросил меня, хотя меньше всего на свете мне хотелось возвращаться к старому ремеслу. А я бы согласился. Потому что при одном взгляде на Шута, больного и искалеченного, в моей душе вздымался гнев. Никто, никто на всем белом свете не должен оставаться в живых после того, как причинил столько боли и увечий. Ни одно существо, до такой степени бессердечное, чтобы расчетливо пытаться и калечить, не имеет права жить. Те, кто это сделал, — чудовища. Пусть они с виду и люди, их деяния доказывают обратное. Их необходимо убить. И сделать это должен я.

Я сам хотел этого. Чем дольше я смотрел на Шута, тем больше мне хотелось пойти и убить — убить не тайно и аккуратно, а напоказ и кроваво. Я хотел, чтобы те, кто это сделал, успели понять, что скоро умрут — и за что именно умрут. Чтобы они пожалели о содеянном.

Но я не мог этого сделать. И сердце мое обливалось кровью.

Мне придется отказаться. Несмотря на всю любовь к Шуту, на узы нашей дружбы, на весь мой гнев и ярость. Потому что в первую очередь я нужен Би. Она нуждается в моей любви и защите. Я и так отчасти поступился отцовскими обязанностями, поручив дочь заботам чужих людей, пока спасаю друга. Би, моя маленькая девочка, — все, что осталось мне после смерти жены, Молли. И последняя оставленная мне судьбой возможность проявить себя хорошим отцом, хотя пока что у меня не очень получается. Много лет назад я не стал настоящим отцом своей старшей дочери, Неттл. Я решил, что она не моя, и ушел, предоставив ей расти без меня. И вот теперь Неттл сомневается, что я способен заботиться о Би. Она уже не раз говорила о том, чтобы забрать Би в Олений замок, где Неттл сможет обеспечить ей уход и воспитание.

Этого я допустить не мог. Би слишком маленькая и странная, чтобы выжить в мире придворных интриг. Я решил оставить ее у себя, в Ивовом Лесу, тихом и безопасном поместье.

Там, вдали от городов, она сможет быть собой — чудесной и странной крохой, которая очень медленно растёт. Пусть я и покинул ее, чтобы спасти Шута, но это больше не повторится, я скоро вернусь к ней. Может быть, утешал я себя, Шут в ближайшие дни поправится достаточно, чтобы отправиться со мной. Я заберу его в Ивовый Лес, и там, в тишине и покое, он сможет отдохнуть и исцелиться. Сейчас он слишком плох, чтобы возвращаться в Клеррес, не говоря уже о том, чтобы помочь мне убить тех, кто искалечил его. Месть подождет, а детство ждать не может. Стать убийцей ради Шута я всегда успею, а отцом для Би я должен быть сейчас. Поэтому самое большее, чем я могу помочь ему, — предоставить возможность поправить здоровье. Да. Первым делом ему нужно окрепнуть, а мне — позаботиться о дочери.

Я немного побродил, бесшумно ступая, по комнате. Когда-то я был счастлив тут, в тайном логове убийцы. Однако на смену стариковскому беспорядку пришла вдумчивая аккуратность леди Розмари, заполучившей логово в свое распоряжение. Комнаты стали чище и опрятнее, но мне почему-то не хватало груд свитков и снадобий, валявшихся повсюду во времена Чейда, его начатых и брошенных на полдороге задумок. Теперь на полках, где некогда можно было найти что угодно, от змеиного скелета до окаменевшего обломка кости, ровными рядами стояли закупоренные склянки.

На каждом флакончике был ярлык, подписанный красивым дамским почерком. Каррим, эльфийская кора, валериана, волчий аконит, мята, медвежий жир, сурах, наперстянка, циндин и тилтский дым. На одном горшочке стояла пометка «Эльфийская кора с Внешних островов», должно быть, чтобы не спутать ее с корой из Герцогств, имеющей более мягкое действие. В стеклянном сосуде была какая-то темно-красная жидкость, которая закручивалась водоворотами от малейшего прикосновения. В красной жиже мелькали серебряные нити — не смешивались с ней, но и не всплывали на поверхность, как жир на воде. Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Ярлычка на флаконе не было, и я осторожно поставил его на место, в специальную деревянную стойку, предохранявшую от падения. Некоторые вещи лучше лишней раз не трогать. Я понятия не имел, что такое карудж-корень и кровохлёст, но рядом с каждым из этих названий был красными чернилами пририсован череп.

На полке ниже были ступки с пестиками, чтобы толочь, ножи, чтобы крошить, сита, чтобы просеивать, и несколько маленьких, но тяжелых котелков, чтобы вытапливать. В подставке аккуратно стояли покрытые пятнами от опытов ложки. Еще ниже красовался ряд глиняных горшочков, назначение которых я сперва не понял. Маленькие, размером с кулак, с плотно пригнанными крышками, они были покрыты коричневой глазурью и крепко запечатаны варом. Зато в каждом было отверстие в середине крышки, откуда торчал навощенный льняной шнур. Я из любопытства взвесил один такой горшочек в руке и только тут понял, что это. Чейд говорил, что ему удалось продвинуться в опытах со взрывчатым порошком. Выходит, я держу в руках его новейшее изобретение для убийства. Я осторожно поставил горшочек на место. Орудия моего старого ремесла стояли передо мной ровными рядами, будто солдаты, ожидающие приказа к атаке. Я вздохнул, однако без всякого сожаления, и отвернулся от полок. Шут по-прежнему спал.

Я сложил на поднос тарелки, оставшиеся после ночного ужина, и немного прибрался в комнате. Только с ванной, полной грязной и остывшей воды, и вонючими лохмотьями Шута я ничего не смог поделаться. Я даже не решился сжечь его тряпки в очаге, испугавшись зловонного дыма, который наверняка пошел бы от них. Я не чувствовал отвращения, лишь жалость. Моя собственная одежда была заскорузлой от крови убитой собаки и Шута. Ничего, подумал я, на темной ткани это не очень заметно. Потом подумал получше и заглянул в старый платяной шкаф, украшенный резьбой, издавна стоявший у кровати. Когда-то в нем хранились исключительно рабочие халаты Чейда — непременно из неброской серой шерсти, все в пятнах и прожженных дырах после многочисленных опытов. Сейчас халатов там висело всего два, оба синие и слишком тесные для меня. Кроме того, я с удивлением обнаружил в шкафу две женские ночных сорочки, два простых платья и пару черных рейтуз, которые были бы до смешного коротки мне. Ну конечно! Вещи ле-ди Розмари. Для меня тут ничего нет.

На сердце у меня было тревожно, когда я тихо выскользнул из комнаты, однако мне нужно было кое-что сделать. Наверное, кто-то скоро придет прибрать комнату и принести свежей еды, и мне не хотелось оставлять спящего и беззащитного Шута на

милость незнакомцев. Но я уже понял, что напрасно не доверял Чейду. Прошлым вечером он позаботился о нас, несмотря на свои неотложные дела.

Шесть Герцогств хотели начать с Горным Королевством переговоры о слиянии и пригласили влиятельных людей оттуда погостить в Оленьем замке всю праздничную неделю. Но даже в разгар торжества не только Чейд, но и король Дьютифул, и его мать Кетриккен улучили минуту, чтобы, покинув гостей, поприветствовать нас с Шутом, а Чейд вдобавок еще и позаботился, чтобы в эту комнату доставили все необходимое. Судьба моего друга небезразлична Чейду. Не знаю, кого он пришлет, но это определенно будет надежный человек.

Чейд. Я глубоко вздохнул и потянулся к нему Силой. Наши разумы легко соприкоснулись.

Чейд? Шут спит, а мне нужно кое-что сделать, и я не хотел бы...

Да-да, конечно. Не сейчас, Фитц. Мы обсуждаем ситуацию с Кельсингрой. Если они не желают призвать своих драконов к порядку, возможно, нам придется создать союз, чтобы как-то противостоять этим чудовищам. Я позаботился, чтобы у тебя и твоего гостя всего хватало. На синей полке есть немного денег, если тебе нужно. Но сейчас мне надо сосредоточиться на делах. Представители Удачного подозревают, что Кельсингра пытается поговорить с герцогиней Калсиды!

Ох, прости.

Я отпрянул, внезапно почувствовав себя ребенком, который отвлекает взрослых от обсуждения важных дел. Драконы. Союз против драконов. И с кем? С Удачным? А что можно поделаться с драконами, кроме как выделять им мясо, чтобы притупить аппетит? Может, дальновиднее было бы поддерживать дружеские отношения с этими высокомерными хищниками, чем бросать им вызов? Мне вдруг стало обидно, что моего мнения не спросили. Хотя с какой стати меня стали бы спрашивать?

Я тут же велел себе оставить эти мысли: «Пусть Чейд, Дьютифул, Эллиана и Кетриккен думают, как быть с драконами. Ступай своей дорогой, Фитц».

Я приподнял гобелен, закрывающий дверной проем, и углубился в лабиринт потайных ходов Оленьего замка. Когда-то я знал эти шпионские пути так же хорошо, как дорогу в конюш-

ни. И за все прошедшие с тех пор годы эти коридоры, вьющиеся в толще внутренних стен и тянущиеся вдоль внешних, нисколько не изменились.

Зато изменился я. Я уже не был ни тощим мальчишкой, ни даже юношей. Мне стукнуло шестьдесят, и, сколько бы я ни утешал себя тем, что еще достаточно крепок для тяжелой работы, от былой гибкости не осталось и следа. Узкие повороты, за которые я прежде проскальзывал ужом, теперь требовали втянуть живот. Наконец я добрался до потайной двери в кладовую, дождался, прижавшись ухом к стене, когда там никого не будет, и вышел из лабиринта за стойкой с сосисками.

Меня спасла только суматоха Зимнего праздника. Едва я вышел из кладовой, какая-то женщина в обсыпанном мукой фартуке налетела на меня и сердито спросила, где меня носит.

— Ты принес мне гусиный жир, наконец?

— Я... я не нашел его там, — промямлил я, и она язвительно ответила:

— Еще бы! Ты же искал не в той кладовой. Через одну дверь дальше по коридору лестница вниз, там вторая дверь направо ведет в ледник. Ступай туда и принеси мне жира! Он в коричневом горшке на полке. Живо!

Она круто развернулась и пошла прочь, а я остался стоять. На ходу кухарка громко ворчала — вот, мол, что бывает, когда дополнительных помощников нанимают в последнюю минуту перед праздником. Я с трудом перевел дыхание, повернулся — и увидел детину примерно моего роста с большим и тяжелым коричневым горшком в руках. Пристроившись за ним, я дошел до двери в кухню, откуда пахнуло ароматом свежего хлеба, горячего супа и жарящегося мяса. Дитина свернул туда, а я зашагал дальше по коридору.

Во дворе Оленьего замка суетилось множество людей, и я выглядел всего лишь еще одним слугой, спешащим с поручением. Взглянув на небо, я удивился — полдень явно уже миновал. Я проспал дольше, чем собирался. Тучи разошлись, проглянуло солнце, но ясно было, что это лишь недолгая передышка между метелями, и я пожалел, что так легкомысленно расстался накануне со своим плащом. Мне очень повезет, если удастся раздобыть новый до снегопада.

Первым делом я направился в лазарет, надеясь наедине попросить прощения у Риддла. Но там оказалось на редкость мно-

голюдно — несколько стражников слегка подрались. К счастью, обошлось без серьезных травм, только одному парню крепко досталось по щеке, и выглядел он так, что невозможно было смотреть без содрогания. Шум и гам снова оказались мне на руку, и я быстро выяснил, что Риддла в лазарете нет. Оставалось надеяться, что он уже поправился, хотя, скорее всего, его просто переправили куда-нибудь в более спокойное место. Я вышел из лазарета и остановился, решая, что делать дальше.

Взвесив в руке кошель, я понял, что деньги у меня есть — к тому, что я собирался потратить на подарки младшей дочери, добавился и дар Чейда. Отправляясь из Ивового Леса в Дубы-у-воды, я взял с собой побольше денег, рассчитывая всячески баловать Би на ярмарке. Неужели это было только вчера? Меня охватила тоска. День, который я хотел посвятить радостям и веселью, обернулся жестокостью и кровопролитием. Чтобы спасти жизнь Шута, мне пришлось отправить дочь домой под сомнительной защитой писаря Фитца Виджиланта и леди Шун. Мою малышку Би, которая в свои девять лет выглядит едва на шесть. Каково ей там сейчас? Неттл обещала послать в Ивовый Лес птицу, чтобы сообщить, что я благополучно добрался в Олений замок, и я знал, что могу положиться в этом на старшую дочь. Так что чуть позже я напишу несколько писем. Фитцу Виджиланту, леди Шун, но главное — Би. Хороший гонец на добром коне доставит их за три дня. Ну или за четыре — если снова начнутся метели. А пока хватит и голубиной почты. И, раз уж у меня есть время, схожу-ка я в Баккип, куплю себе новую одежду на деньги, оставленные Чейдом, и побольше подарков для Би. Подарков по случаю Зимнего праздника. Чтобы показать, что я думал о ней, даже когда меня не было рядом. Я побалую себя тем, что побалую свою дочь! Пусть даже подарки и придут с опозданием на несколько дней.

Я мог бы связаться с Дьютифулом или Неттл при помощи Силы и договориться, чтобы мне дали лошадь, но предпочел спуститься в город пешком. Лошади спотыкаются и оскальзываются на обледенелой брусчатке идущих под уклон улиц, да и Дьютифул наверняка все еще занят на переговорах с торговцами. А Неттл, скорее всего, до сих пор злится на меня, и не даром. Лучше не трогать ее какое-то время, пусть остынет.

Дорога оказалась куда шире, чем я помнил. Деревья вдоль нее вырубали, а ямы заделали. Сам город стал ближе — он раз-

росся, дома и лавки уже карабкались вверх по склону, к замку. Там, где раньше рос лес, теперь начинались окраины, на улице шла бойкая торговля, стояла дешевая таверна «Оленья стража», а позади нее, кажется, публичный дом. Дверь этого заведения под названием «Веселая форель» кто-то снес с петель, и хмурый хозяин прилаживал ее на место. Дальше начинался старый Баккип, украшенный к празднику венками, гирляндами и яркими полотнищами. На улицах было многолюдно — нагруженные посылные спешили в таверны и гостиницы, гуляли путешественники, бойко предлагали всевозможный товар торговцы, торопясь заработать на празднике.

Не сразу я нашел то, что искал. В лавочке, торгующей снаряжением для моряков и стражников, я подобрал себе две дешевые рубахи почти по размеру, длинный жилет из коричневой шерсти, теплый плащ и какие-никакие штаны — на первое время сойдет. При мысли, что я успел привыкнуть к одежде лучше, я невольно улыбнулся и направился к портному, где меня немедленно обмерили и обещали, что все будет готово через пару дней. Я опасался, что мне придется задержаться в Оленьем замке как раз на два дня, а то и дольше, но сказал, что доплачу, если заказ будет готов раньше. Потом, путаясь и сбиваясь, я описал портному Шута — примерный рост и объемы, которые ныне, увы, стали намного меньше прежних. Портной заверил, что позже в этот же день в его мастерской приготовят белье и пару халатов и на эти размеры. Я сказал, что мой друг болен и ему лучше подойдет мягкая ткань. И добавил денег, чтобы поторопить швей.

Когда с обязательными покупками было покончено, я направился туда, где на улицах царил веселая суматоха. Все было совсем как во времена моего детства: кукольные представления, жонглеры, песни и танцы, девушки в венках из падуба. Торговцы предлагали сладости и подарки, знахарки — амулеты и снадобья, на улицах можно было найти любое развлечение, какого захочет душа. Мне не хватало Молли и отчаянно хотелось, чтобы Би была со мной, — так хотелось показать ей все это и поселиться вместе с ней.

Я купил ей подарков. Ленты с колокольчиками, леденцы на палочке, серебряное ожерелье с тремя янтарными птичками, пакетик орехов с пряностями, зеленый шарф с вывязанны-

ми на нем желтыми звездами, маленький ножик с хорошей рукояткой из рога и, наконец, холщовую сумку, чтобы сложить все это. Мне пришло в голову, что гонец может вместе с письмами отвезти в Ивовый Лес и подарки. Поэтому я наполнил сумку до краев, так что под конец она едва закрывалась. Я купил бусы из пятнистых ракушек с далеких берегов, мешочек душистых трав, чтобы положить в сундук с зимней одеждой, и много чего еще. Стоял на диво погожий зимний день, свежий ветер приносил запах моря. И сердце у меня пело, когда я представлял, как будет радоваться Би, доставая безделушки одну за другой. Я не спешил покидать праздничные улицы, обдумывая письмо, чтобы отправить вместе с подарками. Надо подобрать слова, правильные и простые, и пусть Би сама прочтет в моем сердце, как мне жаль, что пришлось оставить ее. Но вскоре ветер снова натянул серые снежные тучи, и пришла пора возвращаться в замок.

На обратном пути я зашел в портняжную мастерскую — мне повезло, одежда для Шута была готова. Когда я двинулся дальше, низкие тучи уже обложили горизонт. Пошел снег, и пока я брел по дороге, круто поднимавшейся к замку, ветер жалил лицо. Ворота я миновал так же легко, как и когда выходил, — по случаю Зимнего праздника и прибытия гостей из Удачного страже было велено не допытываться у входящих, что у них за дела.

Но это напомнило мне о том, что рано или поздно придется решить еще один вопрос. Мне нужно было как-то назваться. С тех пор, как я по просьбе Би сбрил бороду, даже Риддл не уставал удивляться, как молодо я выгляжу. Я много лет не был в Оленьем замке и теперь опасался представляться Томом Баджерлоком. И не только потому, что седая прядь, похожая на барсучий хвост, давно исчезла, а еще и потому, что те, кто помнил Тома Баджерлока, слишком удивились бы, увидев перед собой мужчину лет тридцати с небольшим, когда ему должно быть уже шестьдесят.

Через кухню я на этот раз не пошел, а воспользовался боковой дверью, через которую ходили в основном посыльные и слуги высшего ранга. Плотная набитая сумка служила отличным оправданием, а когда помощник управляющего поинтересовался, куда я иду, я сказал, что несу посылку для леди Неттл.

Оглавление

Глава 1. Канун Зимнего праздника в Оленьем замке	9
Глава 2. Лорд Фелдспар	35
Глава 3. Похищение Би	45
Глава 4. Рассказ Шута	64
Глава 5. Обмен сущностями	87
Глава 6. Одаренная	106
Глава 7. Тайна и ворона	121
Глава 8. Видящие	149
Глава 9. Корона	163
Глава 10. Известия	188
Глава 11. Ивовый Лес	212
Глава 12. Шейзим	239
Глава 13. Тайна Чейда	256
Глава 14. Эльфийская кора	280
Глава 15. Неожиданности	301
Глава 16. В дороге	324
Глава 17. Кровь	330
Глава 18. Изменяющий	351
Глава 19. Планы	366
Глава 20. Убить время	409
Глава 21. Виндлайер	437
Глава 22. Стычки	449
Глава 23. Связи	470
Глава 24. Пути расходятся	490

Глава 25. Красный снег	503
Глава 26. Перчатка	536
Глава 27. Последствия	554
Глава 28. Выводы	567
Глава 29. Семья	586
Глава 30. Принц Фитц Чивэл	604
Глава 31. Незавершенные дела	634
Глава 32. Путники	651
Глава 33. В путь	684
Глава 34. Драконы	706
Глава 35. Кельсингра	728
Глава 36. Гостеприимство Элдерлингов	743
Глава 37. Герои и воры	772
Глава 38. Появление	794

Хобб Р.

Х 68 Странствия шута : роман / Робин Хобб ; пер. с англ. Н. Аллунан. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 800 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-11397-8

Фитцу Чивэлу, внебрачному сыну принца Чивэла, бывшему тайному убийце, скрывающемуся под именем Тома Баджерлока, пришлось покинуть свое поместье, чтобы спасти внезапно объявившегося давнего друга — Шута. Би, маленькая дочь Фитца, осталась под присмотром слуг и учителя. Фитцу еще только предстоит узнать, что ее похитили. Даже Шут не может сказать, что будет дальше, ведь с тех пор, как в мир его стараниями вернулись драконы, грядущее сокрыто от него — как и от других, не столь бескорыстных провидцев. Лишь маленькая девочка со светлыми волосами способна видеть будущее, но ее увозят прочь от дома и от отца безжалостные Слуги.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РОБИН ХОББ
СТРАНСТВИЯ ШУТА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-19426-01-R